

Линь Баньсин слегка улыбнулся:

— Я навел справки о законах в этом мире. Раз Цзян Чжигу потратил деньги, которые я ему дал, это считается примирением сторон. Проблем не будет.

— Хм, а если бы он их не тронул? Во-первых, он меня не узнал бы, а во-вторых, здесь нет камер. С чем бы он пошел в полицию?

— Злодеев должны наказывать другие злодеи, — философски заметил 420.

В этот момент ожил интеллектуальный чип — пришло сообщение.

— Вы добавили JY, теперь можете начать чат.

Линь Баньсин отправил Цзян И анимированного танцующего человечка и взглянул на время. Восемь часов. Он вспомнил, что дома у него установлен комендантский час — персонально для него. Если не вернуться до девяти, урежут карманные расходы.

Линь Баньсин поспешно поймал такси и добрался до дома к половине девятого. Он тихонько проскользнул внутрь, не заметив, что позади него кто-то стоит.

— Вспомнил, где живешь? — раздался сердитый женский голос.

— А-а-а! — 420 испугался и взвизгнул.

Сам Линь Баньсин не испугался матери, зато перепугался от крика 420.

— Мам, я сегодня завел в школе новых друзей, поэтому задержался. Есть что-нибудь поесть? — увидев мать, Линь Баньсин начал ластиться.

Мать, заметив, что сын ведет себя хорошо, слегка похлопала его по голове, и гнев её улетучился.

— Иди, ужин как раз разогрет. Я так и знала, что ты поздно вернешься.

Линь Баньсин с улыбкой обнял мать и пошел в столовую.

— Папа еще не вернулся? — спросил он.

— На стройке возникли проблемы, в ближайшее время он не сможет приехать, — мать тоже немного тосковала по мужу. — Я пойду отдохну, старею, силы уже не те.

Она помахала рукой и поднялась на второй этаж. Поужинав, Линь Баньсин вернулся в свою комнату, привел себя в порядок и, лежа в кровати, открыл диалог с Цзян И. Тот ответил на его сообщение.

ЛҮ: .

Сообщение пришло в десять минут десятого, Цзян И, должно быть, уже дома. Линь Баньсин начал печатать:

Звездочка: Дома?

ЛҮ: Собираюсь спать.

Звездочка: Я тоже.

Звездочка: [Гифка: выдра хлопает себя по животу]

ЛҮ: Угу.

Звездочка: В кафе сегодня было что-нибудь интересное?

ЛҮ: Нет.

Звездочка: Разве я недостаточно интересен?

ЛҮ: Угадай.

Звездочка: [Гифка: маленький динозавр изрыгает огонь]

Звездочка: До завтра, спокойной ночи.

Звездочка: [Гифка: выключаю свет]

ЛҮ: Снов.

На следующее утро Линь Баньсин с трудом разлепил глаза под витиеватые призывы 420 к пробуждению.

— 420, в следующем мире не будем школьниками, — обессиленно пробормотал он, сползая с кровати.

— Хозяин, разве ты не говорил, что школьные годы — это прекрасно? — удивился 420.

— Прекрасно-то прекрасно, но ты же знаешь, как мне тяжело вставать.

— И то верно, — задумался 420.

Линь Баньсин в очередной раз успешно обвел 420 вокруг пальца. Словно лунатик, он спустился вниз, позавтракал, попрощался с матерью и отправился в школу, проспав всю дорогу в машине.

Приволочив свое брненное тело в класс, Линь Баньсин обнаружил, что Цзян И уже на месте. Не зря его называют гением — уже корпит над учебниками. Едва сев за парту, Линь Баньсин погрузился в полудрему. Ничего не поделаешь — слишком уж он хотел спать, встать в шесть утра для него было настоящим подвигом.

Цзян И почувствовал, что рядом кто-то сел, и поднял глаза. Линь Баньсин как раз повернул голову, они встретились взглядами. Линь Баньсин вымученно улыбнулся и тут же уткнулся лицом в парту, мгновенно заснув. Цзян И, вероятно, никогда не поймет, как можно проспать восемь часов и при этом оставаться таким сонным.

Линь Баньсин проспал всё утреннее чтение. Повезло, что учителя не ходили с проверкой. Когда прозвенел звонок, он окончательно проснулся. Посмотрел на место Цзян И — пусто. Видимо, вышел.

— Что там с Цзян Чжиго? — спросил Линь Баньсин у 420.

— Вчера его притащили домой, до сих пор лежит, — хихикнул 420. — Хозяин, твои приемы всё так же хороши.

— Еще бы, не зря же я был главой боевого альянса.

— Хозяин такой крутой! — у 420 в глазах засияли звездочки.

Незадолго до начала урока Цзян И вернулся, а вместе с ним и несколько одноклассников. У каждого в руках была пачка материалов. Цзян И выглядел так, будто хочет выбросить их, но не может — это выглядело довольно забавно. Линь Баньсин заинтересовался.

— Что это? — спросил он, уставившись на бумаги.

Цзян И, которого во время перемены вызывали к учителю вместе с другими отличниками, положил материалы на парту Линь Баньсина. На самом верхнем листе красовалась надпись: План развития Линь Баньсина.

Он опешил. Но прежде чем он успел прочесть что-то еще, в класс вошел учитель физики Линь Чун.

— Здравствуйте, ребята. На перемене некоторые из вас уже получили подготовленные мной материалы, — Линь Чун поправил очки и улыбнулся. — Я изучил ваши результаты до распределения по классам и решил внедрить программу наставничества: один отличник помогает одному отстающему. Программа рассчитана на два месяца.

Он уперся руками в кафедру, наблюдая за реакцией учеников. В классе началось оживление: кто-то из отстающих был польщен, кто-то выглядел так, будто жизнь потеряла всякий смысл. Отличники же реагировали по-разному: кто-то был полон энтузиазма, а кто-то оставался бесстрастным. Цзян И относился ко второму типу.

— Я уже всё распределил. Десять групп, список сейчас выведу на ваши чипы, — Линь Чун транслировал список на доску. — Через два месяца промежуточный экзамен. Сравним результаты с грядущим контрольным срезом. Пять лучших пар, показавших наибольший прогресс, получают от меня специальный приз. А для остальных, кто не участвовал в программе, тоже есть стимул — десять лучших по прогрессу учеников также будут вознаграждены!

Учитель мастерски завел класс. Ученики аплодировали и ликовали, что резко контрастировало с невозмутимым Цзян И. Тот поначалу хотел отказаться — терпеть не мог лишних хлопот. Но если выбирать между нытьем Линь Баньсина и наставлениями Линь Чуна, он выбрал первое. Он знал, что не пользуется популярностью у парней: замкнутость, нелюдимость, сдержанность в эмоциях, выдающиеся успехи и внешность — всё это вызывало лишь зависть. В средней школе ему пришлось столкнуться с немалой долей злобы, но со временем он научился давать сдачи. Ему было плевать на чужое мнение. Он просто выстроил вокруг себя непробиваемую стену, и ничто — ни мягкое, ни острое, ни бьющее в цель — не могло её пробить.

Цзян И наблюдал за Линь Баньсином, как сторонний наблюдатель, глядя, как тот раз за разом пытается своей мягкостью пробить возведенную стену. Он не мешал, но и не помогал. Просто смотрел: сдастся ли Линь Баньсин или, отбросив мягкость, нанесет сокрушительный удар по этой стене.

А Линь Баньсин тем временем мысленно восхищался:

— Такому учителю памятник при жизни ставить надо!

— Хозяин, скорее используй этот шанс, чтобы сблизиться с Цзян И! — подстрекал 420.

— Знаю, знаю, — уверенно ответил Линь Баньсин.

— Итак, начинаем урок. Сегодня мы разберем... — Линь Чун начал лекцию.

Линь Баньсин знал, что Цзян И всё равно не слушает, поэтому написал ему записку, скомкал её и положил под руку соседу. Цзян И почувствовал это, перестал писать и развернул бумажку:

[Когда у тебя заканчивается смена?]

Цзян И взял ручку, ответил и вернул записку на парту Линь Баньсина. Тот был рад — чувствовал, что стал на шаг ближе к цели.

[В восемь.]

В восемь... значит, на дополнительные занятия времени нет. Линь Баньсин не хотел отнимать у Цзян И время отдыха, но не понимал, как тот собирается ему помогать. Или он вообще не собирался? Печаль...

Весь день Линь Баньсин провалял дурака, а после уроков бегал за Цзян И хвостиком. В глазах окружающих гений и школьный хулиган стали не разлей вода.

В пять сорок, когда пришло время уходить, Цзян И начал собирать вещи. Линь Баньсин, наконец, задал вопрос, который мучил его весь день:

— Ты будешь подтягивать меня по учебе?

Цзян И, не прерывая движений, ответил сухо:

— Угу. Пойдешь со мной в кафе.

Линь Баньсин успокоился:

— Хорошо.

В кафе Цзян И поздоровался с коллегами и повел Линь Баньсина к столику в углу. Они сели, и Линь Баньсин достал тетради, ручку и черновик, положив их между ними.

— Чистые листы? — в голосе Цзян И слышалось искреннее недоумение.

Черт, он переборщил с ролью двоечника. Линь Баньсин неловко кивнул.

— Пиши, я посмотрю, — Цзян И пододвинул ему контрольную.

Линь Баньсин взял ручку. Это была та самая работа по математике, которую задали на уроке. Глядя на до неприличия простые задачи, он почувствовал укол совести перед Цзян И. Приходилось притворяться безнадежным учеником, что было непросто. Хорошо, что это математика — можно просто написать заведомо неверный ответ.

— Решение записывай в черновик, — услышав это, Линь Баньсин окончательно приуныл.

Притворяться двоечником легко, но притворяться «качественным» двоечником, не имеющим ни единого просвета в знаниях, — задача не из легких. Человеку с интеллектом гения очень трудно имитировать мышление неуча. Линь Баньсин уставился на первую задачу, напряг все свои извилины и, наконец, с трудом вывел решение.